

Борис Верхоустинский

Лесное озеро

Борис Алексеевич Верхоустинский

Лесное озеро

Аннотация

«На высокой развесистой березе сидит Кука и сдирает с нее белую бересту, ласково шуршащую в грязных руках Куки. Оторвет – и бросит, оторвет – и бросит, туда, вниз, в зелень листвы.

Больно березе, шумит и со стоном качается. Злая Кука! Но Кука думает: я ее сперва немножечко раздену, посмотрю только, что у нее за берестой, а потом я ее одену опять. И вовсе не больно березе – какой там! Просто хитрит, притворяется, потому что тело у нее некрасивое, кирпично-желтое, хоть наряд-то и белый...»

Борис Верхоустинский

Лесное озеро

На высокой развесистой березе сидит Кука и сдирает с нее белую бересту, ласково шуршащую в грязных руках Куки. Оторвет – и бросит, оторвет – и бросит, туда, вниз, в зелень листвы.

Больно березе, шумит и со стоном качается. Злая Кука! Но Кука думает: я ее сперва немножечко раздену, посмотрю только, что у нее за берестой, а потом я ее одену опять. И вовсе не больно березе – какой там! Просто хитрит, притворяется, потому что тело у нее некрасивое, кирпично-желтое, хоть наряд-то и белый.

Тут Кука вспоминает, как весной береза плакала вкусными слезами. Надо попробовать. Кука впивается острыми зубами в кору ствола, но на языке одна горечь. Береза не хочет плакать вкусными слезами.

Кука настораживается. Кто-то сел на верхушку березы. «К-к-к-кар! К-к-к-кар!» Ага, это ворона! Зачем она прилетела? Тс-с-с! Она чистит клюв и стучит, как дятел. Вот бы ее поймать! Какая ловкая, прилетела неведомо откуда, а расселась, что барыня.

Кука возмущена и лезет по веткам вверх, к тому месту, где птица. Та близко подпускает ее к себе и смотрит на нее страшными черными глазами: чего от нее хочет Кука, не со-

бирается ли она изловить ее, старую ворону, и переломить темные ножки, на которых так удобно скакать по дорогам.

«К-к-к-кар! К-к-к-кар!» – передразнивает ее Кука. «К-к-к-кар! К-к-к-кар!» – недоумевающе отвечает ворона; обе недовольны, обе недружелюбны.

– Дура! – вспыхивает гневом Кука, – воронища!

И, отломив от березы сухой сучек, бросает его в ворону. Ворона с ругательством улетает.

Кука торжествует: что, чья взяла! То-то!

Береза шумит одобрительно: молодчина Кука, так и следовало поступить с незнакомкою.

...На ясной поляне певучая тишина. Предвечернее солнце щедро золотит листву кряжистой березы, а ветер, смело прошедший сквозь лес и кустарники, поет тихо и радостно.

Кука шепчет:

– Чу!.. Чу!..

Это значит: кто-то издалека пробирается по лесу, ели сцепились хвойными руками и не пропускают его, а угрюмые осины бьют его по лицу тонкими ветками. Но разве могут его остановить хвойные руки елей и ветки осин? И напрасно вокруг него собирается можжевельник: все минет идущий издалека, он даже не соблазнится красотой Иван-чая, он не наклонится и за незабудками.

Кука радостно шепчет: «Чу!.. чу!» – и закрывает глаза.

Солнцем обожжено и ветром обвеяно лицо Куки, оно темно-медное, и руки у нее темно-медные, и ноги, обнаженные

до колен, тоже загорели в неустанном движении. Бродит Кука полями, аукается в лесах, а в болотах пробирается с кочки на кочку к диким ягодам – морошке, бруснике и костянике. Есть когда загореть и обветриться.

А рваный ситец – платье Куки – выпачкан засохшею глиной, засмолен янтарною смолой сосен.

– К-к-к-кар! К-к-к-кар! – раздается испуганный возглас вороны. Кука открывает глаза и от неожиданности чуть не падает наземь. С высокого неба камнем спускается белый кречет; ворона, сидящая где-то в лесу, пронзительно каркает, но какое дело белому кречету до серой птицы с черствым телом и пахнущим падалью сердцем, – паря в сини небес, он увидел на вершине березы темно-медную птицу, – о, правда, она необычна, велика и со странными перьями, но белый кречет отважен и голоден камнем упал он с сини небес и вдруг, заметив свою ошибку, мечется в сторону.

– К-к-к-кар! К-к-к-кар! – в ужасе каркает из лесной чащи ворона, белый кречет спокойно сидит на ветке сосны, весь белый, как снег, но с черным надменно загнутым клювом и с могучими темными когтями. «А что, когти у тебя не железные?» – думает Кука, и хочется ей самой стать такую же белую птицей, и так же спадать с высокого неба, и так же горделиво сидеть на ветке сосны. Но прекрасное видение исчезает: буйный взмах крыльев – и уже нет кречета на краю ясной поляны, и уже ясная поляна скучна.

Кука быстро слезает с березы; лазает она ловко, то повис-

нет на руках над шелестящею листвою, то, как белка, перепрыгивает с ветки на ветку, внизу же, сажени на две, береза гола, – Кука обхватывает ее руками и ногами, чтобы сползти по стволу наземь.

Новость! – Кука нагибается: у ее ног два братца подберезовика, один, большенький, крепыш с коричневой головкой, другой, поменьше, еще совсем дитя, ножка тоненькая, шляпка бледненькая – недавно вылез из темной земли. Однако, и хитрюга же эта береза – пока Кука сидела на ней, она родила двух ребеночков... Проворная! Впрочем, может быть, Кука проглядела их, когда на нее взбиралась.

Кука задирает подол своего платья, так что ее тело обнажается до пояса, и кладет братцев в подол. Ну, что же, придется и еще поискать, а то им вдвоем, пожалуй, скучно.

Она идет с ясной поляны в лес. В лесу дятел долбит сухостойное дерево: «Тук-тук! Тук-тук!» Кука знает его, он красивый, искристый, многоцветный, с длинным клювом, кропотун, каких мало. Уж не думает ли он починить все засохшие деревья, и не для того ли вытаскивает из них жучков и червячков? Напрасная работа – сухое дерево все равно упадет и станет гнилушкою.

Вдруг Куку схватывает невидимая рука и настойчиво тянет вправо. Наверное, ох, наверное, где-нибудь под березой притаился гриб, видит Куку, но не может сказать, чтобы она подошла к нему и вырвала его из прелой земли.

Кука сворачивает направо. Батюшки! Так и есть: под елью

сидит красноголовый подосиновик. Конечно, сидеть под колючею елью, в полутьме, не очень то приятно. Кука срывает его и кладет в подол.

Грибы наперерыв просятя, чтобы она их обрала. Куку тянет то туда, то сюда; подосиновики, подберезовики, волнушки, моховики, важные и толстобокые боровики настойчиво зовут ее к себе. Все они разные – иной уродился маленьким уродцем на кривой ножке, другой простудился, распух, состарился. Ну, его-то, старого хрыча, в подол не надо брать, чтобы не заболели и другие.

Мимоходом Кука встречается с полчищем муравьев. Около двух пней раскинулись высокие муравейники, друг от друга они шагах в двадцати. Конечно, находясь в столь близком соседстве, как не проложить дорогу. Вот муравьи и проложили ее и засновали взад-вперед, из одного города в другой. Идут они туча-тучею, купцы, солдаты, рабочие, нищие, богомолки, пьяницы... Тот надрывается над тяжелым бревном – сосновою иглою, тот тащит камень-песчинку, а там сцепились два драчуна, прохожие толкают их, сердятся на них, а они знай, угощают друг друга зуботычинами.

– Ай! – вскрикивает Кука, вскакивая с корточек. Она подумывала было разорить один муравейник, чтобы посмотреть, как подыметя суматоха, и как заспешат муравьи утаскивать желтенькие яички, – но муравьи храбрые, один солдат влез на ее ногу и ударил ножиком, страсть как сделалось больно.

Кука ловит маленького обидчика и убивает его. Зачем дерешься? Тебя трогали?

Подвергнуться еще раз такому укусу Кука вовсе не намерена. Она уходит к ручью, журчащему невдалеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.